

Новый источник важен также и для изучения византийской дипломатики. В составе архива четыре асфалии — документы, которые подписывало должностное лицо епископии при вступлении на пост. Следует заметить, что термин «асфалия» встречается также в документах эсфигменского (см. выше, стр. 270) и лаврского (*Actes de Lavra*, I, № 25) архивов XI в., но, видимо, в ином значении. 42 грамоты — дарственные. До сих пор дипломатика византийских частнопровых актов изучена очень плохо, новый архив может служить важным подспорьем в этом деле. Гийу (стр. 14) справедливо подчеркивает, что акты архива Опшидо составлялись по общевизантийским руководствам; наряду с этим, думается, было бы важно проследить локальные особенности южноитальянских дарственных⁷.

А. К.

J e a n C h r y s o s t o m e. Sur la vaine gloire et l'éducation des enfants. Introduction, texte critique, traduction et notes par A. M. Malingrey. — «Sources chrétiennes», № 188. Paris, 1972, 302 p.

Основная часть наследия Иоанна Златоуста, одного из крупнейших писателей конца IV—начала V в., была опубликована уже в XVII в., но до сих пор еще нет критического издания его корпуса. В значительной мере причина этого — в плодovitости Златоуста: его сочинения занимают 18 томов «Патрологии» Миня, и соответственно их списки рассеяны по многим сотням рукописей (около 2 тысяч). Лишь в самое последнее время предприняты попытки систематизировать рукописное наследие знаменитого оратора¹. Другая трудность порождена популярностью Златоуста: под его именем манускрипты сохраняют немало ложно приписанных ему сочинений (в их числе и так называемая литургия Иоанна Златоуста), и одной из серьезных задач является расчленение подлинного, сомнительного и бесспорно поддельного Златоуста².

В последнее время ряд произведений Златоуста появился в новых критических изданиях, в том числе «Увещения Феодору»³, «О девственности»⁴, «О единственном браке»⁵, послания к Олимпии⁶. Та же А. М. Малэнгрей, которая подготовила письма к Олимпии, выпустила теперь трактат (?) Златоуста «О ложной славе и о воспитании юношества»⁷.

Сочинение это представляет двойной интерес для исследователя поздней Римской империи. Во-первых, оно богато бытовыми подробностями и, более того, касается некоторых черт социальной структуры общества конца IV в. Прежде всего бросаются в глаза постоянные упоминания рабов: благодаря удобному индексу, составленному Ж. Л. Рюлем, легко установить, что термин *οικετός* встречается 16 раз, *δοῦλος* — 14, *παῖς* в значении «невольник» — 7 (к сожалению, в индексе не отделено это значение термина от другого — «ребенок»), *κατ'ὄρα* — 1, *ἀγγελόθερος* — 1 и специальный термин *ἀκόλουθος* (раб, сопровождавший ребенка в школу) — 5. Следовательно, термины, обозначающие раба, встречаются у Златоуста не менее 44 раз, тогда как наиболее употребительные существительные: *παῖς* в значении «ребенок», *θεός* — бог и *πατήρ* — отец — упоминаются соответственно 43, 37 и 31 раз. Конечно, большинство этих упоминаний относится к домашним рабам, с которыми постоянно сталкивается подрастающий мальчик, — но Златоуст знает не одну челядь: так, на строительстве дома для архонта заняты и рабы (стр. 130.483—485). Рабы — основной элемент богатства наряду с драгоценными металлами, одеждой и конями (стр. 78.93), обилие рабов — первейший показатель «ложной славы» (стр. 96.231); раба покупает даже бедняк, который еще вчера обходился без него — и не из необходимости, но чтобы придать себе значительность (стр. 90.175—179).

⁷ О локальных особенностях византийских частнопровых документов см. А. П. Каждан. Аграрные отношения. . . , стр. 28—36.

¹ М. Aubineau, R. E. Carter. *Codices chrysostomici graeci*, I—III. Paris, 1968—1970. См. P. Canart. *Les inventaires spécialisés de manuscrits grecs*. — «Scriptorium», 24, 1970.

² См. *Repertorium Pseudochrysostomicum*, coll. J. A. de Aldama. Paris, 1965; Ср. еще: J. P. Bouhot. *La collection homilétique pseudo-chrysostomienne découverte par Dom Morin*. — «Revue des études augustinienes», 16, 1970.

³ Jean Chrysostome. A Théodore, éd. par J. Dumortier. Paris, 1966.

⁴ Jean Chrysostome. La Virginité, éd. par H. Musurillo. Paris, 1966.

⁵ Jean Chrysostome. A une veuve sur le mariage unique, éd. par G. H. Ettlenger et B. Grillet. Paris, 1968.

⁶ Jean Chrysostome. Lettres à Olympias, éd. par A. M. Malingrey. Paris, 1968, 2nde éd. 1970.

⁷ См. еще: L. L. Gallinari. *Cristianesimo primitivo ed educazione. Il περί κενόδοξίας καὶ ὅπως δεῖ τοὺς γονεῖς ἀνατρέφειν τὰ τέκνα* di S. Giovanni Crisostomo. Cassino, 1970 (мне недоступно). О педагогических воззрениях Златоуста см. теперь: A. Danassis. *Johannes Chrysostomos. Pädagogisch-psychologische Ideen in seinem Werk*. Bonn, 1971.

Во-вторых, сочинение Златоуста очень важно для изучения ломки старой системы ценностей. Не рабовладение и не богатство представляется оратору главным злом современного ему общества — с этим он может примириться, и та среда, в которую он помещает идеального воспитателя, — состоятельная рабовладельческая среда. Его инвективы направлены прежде всего против античных форм социальных связей, против общественных функций гражданина (отсюда насмешки над устройством игр, с которых начинается трактат), против родовых связей (не следует давать детям имена предков — стр. 146.648—650), против осмысления богатства как показателя социальной чести (стр. 92.196—202). В воспитательной системе Златоуста, как она предстает из трактата, нет места для привития общественных функций, обязанностей, дружбы — все заменяется моральным совершенствованием, благочестием, целомудрием, т. е. сугубо индивидуалистскими качествами. Идеал Златоуста — не социально-политическая реформа общества, а воспитание человека, который с максимальным эффектом мог бы достичь самоотчуждения от общества.

В предисловии к изданию Малэнгрей сохраняется (помимо анализа рукописной традиции) на двух вопросах. Во-первых, она убедительно обосновывает тезис о подлинности трактата, в чем еще в 1939 г. сомневался Д. Морантис (стр. 13—40). Поскольку главным аргументом Морантиса было утверждение, будто образная система и лексика трактата далеки от манеры Златоуста, издательница в подробном комментарии всякий раз отмечает параллели из других сочинений этого автора. Что касается стилистических шероховатостей текста, то Малэнгрей объясняет их тем, что трактат дошел до нас в черновой записи, не отшлифованной Златоустом. Во-вторых, она рассматривает вопрос о дате трактата (стр. 41—47) и склоняется к тому, чтобы датировать его концом 393—началом 394 г. Основным доказательством служат для Малэнгрей намеки на церковные распри в Антиохии между сторонниками Флавиана и Евагрия, — впрочем, намеки эти довольно расплывчаты. Со своей стороны я хотел бы обратить внимание на одну аллюзию Златоуста, которая осталась вне поля зрения исследовательницы. Говоря об устах воспитанного юноши, писатель называет их золотыми воротами (θύρας . . . χρυσᾶς); через эти ворота (τῶν πυλῶν) не проходит никто, кроме царя (стр. 118. 385—394). Нельзя ли усмотреть в этом пассаже намек на Золотые ворота в Константинополе? Как известно, латинская надпись на Золотых воротах гласит, что они были воздвигнуты Феодосием после победы над «тираном», и сулит установление золотого века. Obviously эту надпись относят к Феодосию II и связывают с победой Аспара над мятежным примыкирием Иоанном в 423 г.⁸ Если это так, Златоуст, конечно, не мог знать константинопольских Золотых ворот, но, может быть, все-таки надпись принадлежала Феодосию I и была составлена по случаю разгрома узурпатора Максима в 388 г., к моменту возвращения Феодосия I из похода в Италию, где он был до 391 г. Кстати сказать, в отличие от Феодосия II его дед сам возглавлял войска против «тирана» и одержал над ним победу. Если Златоуст читал свой трактат через несколько лет после 391 г., то Золотые ворота должны были быть еще у всех на устах.

Хороший перевод, комментарий и обширный указатель облегчают изучение текста.

А. К.

Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte, hg. von G. Ch. Hansen. Akademie-Verlag. Berlin, 1971, XLI+228 S.

«Церковная история» Феодора Чтеца (Анагноста), написанная в начале VI в., пользовалась в свое время широкой известностью как в греческих, так и в латинских кругах Средиземноморья. Тем удивительнее, что ее подлинный текст до нас не дошел. Г. Х. Хансен как бы собрал эту книгу, сложив ее из многочисленных и разнообразных фрагментов.

Книга Феодора состоит из двух частей. Первая, так называемая «Трехсоставная история» (*Historia tripartita*), излагающая историю христианской церкви в 305—439 гг. — компиляция из трех авторов: Сократа, Созомена и Феодорита. Она практически не имеет самостоятельного значения, хотя оказывается весьма полезной при критическом восстановлении их сочинений. Лишь в отдельных местах можно проследить стилистические поправки, изменения, вызванные догматическими соображениями, разъяснения и дополнения самого Феодора Чтеца, в том числе романтическую легенду о христианке Мавии, попавшей в плен к арабам, полюбившейся шейху бедуинов и ставшей в конце концов арабской правительницей (стр. XV и сл.). Первая половина «Трехсоставной истории» (кн. I—II) дошла в Венецианской рукописи XIII—XIV вв. (Marc. 344). Кроме того сохранился латинский перевод Епифания, выполненный

⁸ *R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964, p. 269 sq.* Недавно П. Шпек дал новое истолкование надписи: по его мнению, в ней идет речь не о завершении, а лишь об украшении Золотых ворот при Феодосии II. Впрочем, и Шпек считает невозможным, чтобы ворота были воздвигнуты при Феодосии I, ранее стены (*P. Speck. Der Mauerbau in 60 Tagen. — Studien zur Frühgeschichte Konstantinopels. München, 1973, S. 141 f.*). Златоуст мог иметь в виду и Золотые ворота в Антиохии.